

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД COVID-19»

В статье представлены тексты выступлений участников круглого стола «Трансформация социальной и гражданской активности молодежи в период COVID-19», проведенного 15 мая 2021 года в онлайн-формате при поддержке Института молодежи (г. Москва). Участниками научного мероприятия стали ученые, преподаватели вузов и начинающие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ярославля, Омска, Владивостока, Челябинска. Исследование на тему «Социальная, гражданская и политическая активность молодежи в период COVID-19» было проведено под руководством С. Ю. Поповой, кандидата психологических наук, доцента в рамках Лаборатории молодежных междисциплинарных исследований, возникшей на форуме молодых политологов «Дигория» в 2020 году (руководитель А. В. Селезнева, доктор политических наук, доцент). Обсуждались вопросы об особенностях и причинах трансформации социальной, гражданской и политической активности молодежи в период COVID-19, о реальных и виртуальных формах социального и гражданского поведения молодого поколения, о мотивации участия в социально значимой деятельности в контексте нового исторического вызова.

С.Ю. Попова

кандидат психологических наук, доцент философского факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), г. Москва, Директор по науке и исследованиям Института молодежи, г. Москва, Россия
smolikpopov@list.ru

А.В. Селезнева

доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
ntonina@mail.ru

С.И. Белов

кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
belov2006s@yandex.ru

Ключевые слова: молодежь, государство, общество, COVID-19, социальная и гражданская активность, политическая активность, мотивация участия, формы политического участия, поведенческие практики, социальные риски, протестный потенциал, трансформация.

Т.Н. Грубая

*студентка факультета политологии,
Московский государственный у
ниверситет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*
grubatetyana@gmail.com

А.С. Девочкина

*студентка факультета
социально-политических
наук, Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия*
a.devochkina00@bk.ru

В.Е. Зиненко

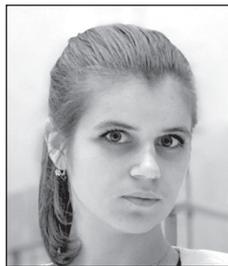
*кандидат политических
наук, заместитель
руководителя комитета
по военно-патриотическому
и гражданскому воспитанию
молодежи Международной
Ассоциации ветеранов
подрозделения
антитеррора «Альфа»,
г. Москва, Россия*
vickan@inbox.ru

Т.В. Коростелева

*доктор педагогических
наук, доцент, профессор
кафедры государственного
управления и молодежной
политики, Российский
университет физической
культуры, спорта, молодежи
и туризма (ГЦОЛИФК),
г. Москва, Россия*
atlastv@mail.ru

Н.А. Курдюкова

*кандидат психологических
наук, доцент, заведующий
кафедрой организационной
психологии, Московский
институт психоанализа,
г. Москва, Россия*
arkafe@mail.ru

Е.В. Морозова

*студентка факультета
политологии, Санкт-
Петербургский
государственный
университет,
г. Санкт-Петербург*
zenicheck@gmail.ru

А.В. Никулина

*студентка факультета
политологии, Санкт-
Петербургский
государственный
университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*
nikulinangelina@mail.ru

Е.В. Пронина

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия
pronina.ev@gmail.com

М.Н. Санников

преподаватель кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
m.sannikov@molprav66.ru

Н.С. Скипин

учитель, общеобразовательная школа «7 ключей» при Международном институте дизайна и сервиса, г. Челябинск, Россия
phobosophy@gmail.ru

А.В. Сокрюкин

студент факультета политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), г. Москва, Россия
sokr-alexei@yandex.ru

Д.Д. Тулегенова

студентка магистратуры исторического факультета, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия
pus23489@mail.ru

С.В. Чуев

кандидат исторических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия
sv_chuev@mail.ru

А.М. Юдина

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия
anna_yudina@mail.ru

Введение. Постановка проблемы

Попова С.Ю.

Исследование социальной активности молодежи в период COVID-19: постановка проблемы

Научно-исследовательский проект Лаборатории молодежных междисциплинарных исследований «Социальная и гражданская активность молодежи в период COVID-19» был разработан и осуществлен в период февраля – апреля 2021 года. Лаборатория была создана на Форуме молодых политологов России «Дигория» 4–10 октября 2020 г. и продолжила свою деятельность после окончания работы форума. Предлагаемые материалы являются результатом второго научного проекта¹.

Проект направлен на выявление причин трансформации социальной и гражданской активности молодежи в период пандемии и самоизоляции.

Предметом изучения является социальная, гражданская и политическая активность молодежи в период COVID-19.

Цель исследования: изучение новых форм социальной, гражданской и политической активности молодежи в контексте современного исторического вызова.

Задачи научного проекта:

- определить причины трансформации социальной, гражданской и политической активности молодежи;
- выявить особенности мотивации участия молодежи в новых формах активности;
- проанализировать риски и угрозы, новые возможности виртуальных форм проявления социальной, гражданской и политической активности молодежи;
- описать специфику группового сознания молодежи в условиях новой реальности.

Концептуально-методологическую основу исследования составляют:

- рискологический подход, который обосновывает методологию социо-

логического исследования риска и социальной неопределенности для описания и понимания молодежи, помогает понять трансформацию форм активности молодежи с точки зрения современных социальных феноменов и процессов;

- политико-психологический подход, который позволяет рассматривать новые формы виртуальной активности с учетом политических ценностей, исследует трансформацию политической активности, причины протестного поведения и формы участия.

Методическую основу исследования составляет комплекс методов, который носит количественно-качественный характер: анкетирование и экспертное интервью.

Эмпирическую базу исследования составили собранные в феврале-марте 2021 года данные опроса молодежи 18–30 лет (n = 112), материалы 13 экспертных интервью с учеными-исследователями, специалистами сферы работы с молодежью, молодежными лидерами, руководителями молодежных общественных объединений.

В материалах круглого стола представлены результаты научного проекта, осуществленного молодыми исследователями — студентами и магистрантами российских вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Челябинска, Ярославля, под руководством ученых-наставников. Особенностью данной научной площадки стало привлечение к обсуждению результатов исследования ученых, изучающих молодежь с точки зрения педагогики, социологии, политологии, психологии. Таким образом, нами был использован междисциплинарный подход, позволяющий комплексно рассмотреть рождающуюся новую реальность, названную «периодом COVID», и различные адаптационные формы активности молодежи.

Современная молодежь в настоящий момент обладает биполярными социально-психологическими и политическими характеристиками: она социально активна, ответственна за свой выбор,

¹ Результаты первого проекта научной лаборатории «Новая политическая этика российской молодежи: ценностные основания и межпоколенческая преемственность» были представлены в рамках круглого стола «Российская молодежь в государстве и обществе: социокультурное и политико-психологическое измерения» (Полилог/ Polylogos. 2020. № 4).

стремится к самоопределению и самореализации и одновременно с этим игнорирует участие в общественной жизни, стремится уйти от ответственности. Часть молодежи демонстрирует протестные формы поведения, и эти формы также трансформируются под воздействием вынужденной самоизоляции и выбора между индивидуализацией и массовизацией [40].

Структура круглого стола состоит из следующих блоков:

- Постановка проблемы;
- Социальная и гражданская активность молодежи: социокультурный и политологический анализ;
- Причины трансформации социальной и гражданской активности молодежи и мотивация участия в условиях пандемии;
- Виртуальные формы социальной и гражданской активности молодежи в период пандемии;
- Особенности политической активности молодежи в период пандемии.

Результаты осмысления вопросов социальной, гражданской и политической активности молодежи в период пандемии имеют не только научное-теоретическое, но и практическое значение, прежде всего для органов исполнительной власти, реализующих государственную молодежную политику.

Современная молодежная политика в России исходит из того, что новое поколение априори обладает инновационным потенциалом и должно стать соучастником социальных, экономических и политических изменений.

Конструируя молодежную политику в современной России, необходимо держать в фокусе возможность формирования социально активной молодежи как моделируемого результата реализации государственной молодежной политики с учетом новых исторических вызовов и адекватных ответов на них.

Селезнева А.В. **Гражданская и политическая** **активность российской молодежи:** **устойчивые детерминанты** **и изменчивый контекст**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ РФ в рамках научного проекта № МД-1966.2020.6 «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» (соглашение № 075–15–2020–220).

Развитие гражданской активности молодежи в современной России является важной государственной задачей. В рамках Национального проекта «Образование» реализуется Федеральный проект «Социальная активность», который направлен на создание условий для поддержки общественных инициатив и проектов [30]. Молодежь вовлекается в волонтерскую деятельность, которая реализуется по множеству направлений — от традиционной помощи животным, детям и пожилым людям до Волонтеров Победы. Гражданские инициативы молодежи получают поддержку Фонда Президентских грантов, Федерального агентства по делам молодежи и пр.

С точки зрения науки и практики с гражданской активностью тесно сопряжена активность политическая. В последнее десятилетие происходит значительное размывание традиционных границ политического пространства за счет включения изначально неполитических форм активности молодежи в политические процессы. Ярким примером этого являются Волонтеры Путина и Волонтеры Конституции.

Существенное влияние на гражданскую и политическую активность молодежи оказывает развитие цифровых технологий, обуславливая трансформацию как содержания, так и форм ее реализации. В последние годы развивается цифровое волонтерство и виртуальное электоральное поведение, формируется культура цифрового гражданства [8]. Период пандемии COVID-19 придал ускорение всем этим процессам. В условиях самоизоляции всем субъектам государственной молодежной политики вынужденно пришлось искать возможности для перево-

да разных гражданских и политических практик в цифровой формат.

Гражданская и политическая активность молодежи детерминируется внутренними психологическими и внешними социально-политическими факторами. К первым относятся сознание и самосознание личности, ее интересы и мотивация [40], ко вторым — современный внутри- и внешнеполитический, социокультурный и информационно-коммуникативный контекст жизнедеятельности молодых людей.

Результаты исследования, проведенного в 2020 году с российской молодежью в возрасте от 15 до 30 лет (массовый опрос с выборкой в 2200 респондентов и 200 глубинных интервью), позволили проанализировать не только формы и направления гражданской и политической активности молодежи, но и выявить их ключевые детерминанты. Формат выступления на круглом столе не позволяет представить имеющиеся данные в полном объеме, поэтому мы обозначим лишь ключевые моменты.

Во-первых, установка на активные и инициативные действия является доминирующей на организационном уровне представлений молодежи о гражданстве и патриоте. По мнению наших респондентов, их основными поведенческими характеристиками являются работа на благо страны, помощь людям, участие в общественно-политической жизни.

Во-вторых, среди мотивов гражданского и политического участия наиболее значимыми являются те, которые определяют гражданскую позицию молодежи: желание изменить жизнь людей в лучшую сторону (1-е место), наличие собственного мнения и стремление его выразить (2-е место) и осознание обязательной необходимости участия в развитии государства и общества (3-е место).

В-третьих, по мнению молодежи, факторами развития ее гражданской и политической активности являются, прежде всего, личностные особенности — знания, умения, потребности, ценности. Внешние условия (социальное окружение, информационное пространство, государственная политика) также играют немаловажную роль. Однако необходимо отметить, что обе группы факторов как стимулируют, так и препятствуют вовлечению молодежи в гражданские и политические практики. Так,

интерес к политике побуждает к участию в ней, а отсутствие интереса порождает политическую пассивность; погруженность в информационный контент о возможностях гражданского и политического участия стимулирует поведенческую активность, а существование в другом информационном поле — тормозит ее.

В-четвертых, интенсификация практик гражданской и политической активности молодежи в Интернет-пространстве в период пандемии имеет под собой разные основания. Усиление гражданской онлайн-активности носило вынужденный характер, обусловленный объективными обстоятельствами жизни молодежи и общества в целом, введенными ограничениями на проведение мероприятий, нормативными установками на социальное разобщение граждан. Проявления гражданской активности молодежи просто изменили свой формат, перешли в Интернет-пространство и приобрели иное технологическое выражение. Да и то не все — акция «Мы вместе» яркое тому подтверждение.

С политической активностью ситуация иная. Она и до пандемии массово осуществлялась в различных формах онлайн-участия, которые для молодежи были приоритетнее реальных политических действий. Можно говорить о том, что «намечается тенденция ухода в онлайн политического активизма молодежи из-за появления качественно новых форм политического участия, возможных только в онлайн-пространстве» [19, с. 68]. То есть дело здесь не в самоизоляции и вынужденных социальных ограничениях, а в реальном изменении форм политической активности молодежи из реальных в виртуальные.

Таким образом, мы можем заключить, что развитие гражданской и политической активности молодежи детерминируется не только психологическими факторами — гражданской позицией ее представителей, их интересами и мотивацией, но и внешними условиями жизни, социально-политическим и информационным контекстом. В 2020–21 гг. влияние последнего стало особенно за-

метным. Наши данные позволили зафиксировать некоторые наметившиеся тенденции развития гражданской и политической активности молодежи в условиях цифровизации и продолжающейся пандемии коронавируса, однако период наблюдения за ними пока еще очень короткий. Поэтому поставленные нами вопросы требуют дальнейшего эмпирического изучения и научного осмысления в общем контексте социогуманитарного знания.

Курдюкова Н.А. **Социальные риски и стратегии поведения молодежи в условиях пандемии**

Пандемия коронавируса, как явление глобальное, изменив привычные условия жизни каждого человека, стала мощнейшим вызовом для психологического осмысления конструктивных и деструктивных способов поведения молодежи в условиях чрезвычайной ситуации, связанной с развитием различных социальных рисков.

Общепринято выделять три основные группы стратегий адаптации в стрессовой ситуации (копинг-стратегий):

1) стратегии когнитивной адаптации — направлены на изменение отношения к ситуации, например, ее отрицание, дистанцирование, изменение целей и ценностей, юмор;

2) стратегии поведенческой адаптации — направлены на работу с причиной проблемы, например, обращение к поиску информации, обучение новым умениям, способствующим решению проблемы, планирование ее решения;

3) эмоционально-ориентированные стратегии — направлены на работу с эмоциями, которые сопровождают восприятие стресса и включают активное их выражение, управление враждебными чувствами, медитации [58].

Исследования в ситуации пандемии обнаружили связь копинг-стратегий с уровнем тревоги по поводу пандемии: «Эмоционально ориентированные копинг-стратегии и мысленный уход от проблемы связаны с более высоким

уровнем тревоги по поводу пандемии, тогда как проблемно ориентированные и активные стратегии совладания связаны с тревогой слабо» [41].

Другими словами, преобладание эмоционального копинга может проявляться в деструктивных формах поведения и «психологических эффектах» во время и после карантина: эмоциональное расстройство, депрессия, раздражительность, бессонница, симптомы посттравматического стресса, гнев и эмоциональное истощение, сниженное настроение.

Конструктивные формы поведения, связанные с активными копинг-стратегиями, проявляют себя в альтруизме, оптимизме, психологической гибкости, «чувстве связанности».

Так, самая активная часть российского общества — молодежные организации — стала инициатором акции «Мы вместе». Она стартовала 21 марта 2020 г., когда был запущен специальный сайт *мывместе2020.рф* для граждан и организаций, которые хотят помогать другим в период эпидемии коронавируса. Планируемый охват адресной волонтерской помощи — 200 тысяч граждан — был превышен почти на 1 миллион человек во всех регионах России. По официальным данным, в акции по всей стране участвуют более 150 тыс. волонтеров, порядка 28 тыс. из них — в Москве.

В 2020 г. «Ведомости» опубликовали результаты исследования политических пристрастий молодежи «Российское «поколение Z»: установки и ценности», проведенного «Левада-центром».

На вопросы: «Работали ли вы волонтером за последний год?» (т.е. помогли добровольно и бесплатно делать какую-то работу), а также «Участвовали ли вы когда-либо в работе общественной, гражданской организации, волонтерском движении?» — положительно ответили 21% и 23% опрошенных молодых людей.

Как видим, примерно 1/5 часть молодежи, выбирая активные формы общественной жизни, получает в пандемию новые навыки, осваивает новые виды деятельности, личность и профессионально развивается. Конечно, с точки зрения развития психологических ресурсов для сохранения психологического здоровья молодежи этого недостаточно [23].

Центральную роль в формировании поведения молодежи играет Я-концепция,

которая, опираясь на потребности и ценности личности оценивает социальные риски и формирует определенные субъективные оценки происходящим событиям.

Нам представляется, что социальные риски, как оценка личностью ситуаций неопределенности, связанных с возможными выгодами и потерями для нее, создают определенные жизненные и профессиональные ограничения для молодежи в период пандемии.

Теоретическое осмысление работ, посвященных социальным рискам, позволило нам вслед за Т.В. Бендас и А.М. Молокостовой выделить у молодежи 3 типа социальных рисков, не позволяющих молодым людям продуктивно адаптироваться в условиях ковида [32]:

Тип А. Профессиональный: несоответствие возможностей индивида и требований профессии; ролевой риск; риск некомпетентности; невозможности достижения желаемого результата.

Тип Б. Экзистенциальный: неопределенности среды; потери смысла; статусный; ценностный.

Тип В. Коммуникационный: собственно коммуникационный и риск эмоционального заражения.

Нам представляется, что осмысление и систематизация результатов изучения различных групп молодежи с преобладаем определенного типа в оценке социальных рисков позволят нам найти практические механизмы создания условий для развития психологических ресурсов молодежи, в том числе и через систему работы с молодежью, предполагающую их психологическую поддержку и вовлечение в продуктивные формы общественной жизни в ситуации неопределенности и глобальных изменений.

Вопрос 1. Социальная и гражданская активность молодежи: социокультурный и политологический анализ

Никулина А.В.

Социальная и гражданская активность молодежи: социокультурный и политико-психологический анализ

Социальные и политические процессы, происходящие в настоящее время, значительно отражаются на характере социальной и гражданской активности молодежи. Социокультурные особен-

ности активности российской молодежи объясняются воздействием на нее внешних и внутренних факторов, которые могут представлять собой опасность, поскольку молодежь является уязвимой социальной группой. На молодежь значительное воздействие оказывают динамические изменения: процессы массовизации, индивидуализации и т.д., а также стихийный характер некоторых социальных институтов, например, СМИ и интернет. При этом потенциал социальной и гражданской активности молодежи является важным для инновационных общественных изменений, конструктивного взаимодействия с гражданско-политическим сообществом.

Молодежь — носитель социальных инноваций, она обеспечивает трансмиссию общественных отношений. Российская власть имеет запрос на инициативную, вовлеченную в социально значимую деятельность молодежь. Поэтому вопрос повышения ее социальной и гражданской активности — это важное и актуальное направление внутренней политики.

Социальную активность можно определить как осознанное и целенаправленное воздействие человека на окружающую социальную среду, реализацию инициативно-творческих отношений личности к преобразованиям в различных сферах общественной жизни [53].

Социальная активность напрямую зависит от тех условий, в которых люди находятся в обществе, социализируются, формируя определенные установки и ценности. Социальная активность также непосредственно связана с индивидуальными психологическими особенностями личности, поэтому степень включенности в общественную деятельность, характер поведенческих проявлений зависят от личностных характеристик людей (темперамент, характер) [10]. Социальная активность одних личностей становится примером и стимулом для повышения активности других, вовлекая их в различные сферы деятельности, тем самым становясь определенным агентом при общественной коммуникации, пере-

дачи различных норм, представлений. Сейчас молодежь активно вовлекается в социально значимую деятельность. Реализуя свой индивидуальный потенциал, потребность в самореализации, она стремится проявлять себя в различных социальных активностях (участие в форумах, движениях), тем самым актуализируя данную деятельность. Так, например, сейчас волонтерство стало интегрироваться в политические процессы, о нем говорят как об общественном тренде.

Одной из разновидностей социальной активности является гражданская активность. Она может рассматриваться как деятельность, направленная на реализацию личного потенциала себя как гражданина, и как устойчивое свойство личности. Сейчас особое внимание уделяется гражданской активности именно молодежи, поскольку с точки зрения психологии субъектная позиция как один из главных компонентов гражданской активности наибольшее развитие претерпевает именно в молодости [40].

Гражданская активность формируется социокультурной средой и является одной из главных ее составляющих. Гражданское мировосприятие необходимо рассматривать и в социально-политическом контексте, воздействующим на формирование личности. Распространенными формами реализации гражданской активности в социальной практике являются политическая деятельность и участие в работе различных общественных объединений. Молодежь одновременно является и общественно-политическим субъектом, и объектом, что объясняет ее специфические взаимоотношения с властью в области политики [24].

Рассматривая гражданскую активность в политико-психологическом ракурсе, необходимо отметить, что одним из ее проявлений является исполнение функций Гражданина. С одной стороны человек может выступать в роли члена гражданского общества (гражданский или общественный ракурс) и с другой в роли субъекта политических отношений (общественно-политический ракурс) [40].

Уровень социальной и гражданской активности показывает, насколько в стране сформировано гражданское общество, насколько эффективна политика государства. Современные трансформационные процессы демонстрируют необходимость в формировании ценностных ориентаций молодежи, обеспечении устойчивого роста и мотивации молодежи на личностное и профессиональное развитие, воспитании молодежи как активных граждан, стремящихся к развитию сильного и независимого государства [35]. Вследствие этого вопросы гражданской активности стали активно подниматься в правовых документах (основы молодежной политики, закон об образовании и т.д.). Появились новые способы взаимодействия молодежи и власти, вырос интерес к исследованию гражданской идентичности, гражданской ответственности.

В настоящее время в обществе уже четко обозначился запрос на перемены [42], а молодежь обладает большим потенциалом реализации социальной и гражданской активности. Отношения государства и молодежи должны быть направлены на стимулирование этих видов активности. Недостаточно просто создавать условия для развития активности молодежи, необходимы также условия для удовлетворения составляющих потребности личности (личностный потенциал, формы поддержки молодежи).

Сокрюкин А.В.
«Либерально-деонтологический парадокс» социальной и гражданской активности российской молодежи в период пандемии COVID-19: к постановке проблемы

Справедливость — это не только уникальная проблема, привлекающая внимание каждого поколения политических мыслителей, но и ценность, апелляция к которой становится лейтмотивом большинства процессов захвата и удержания власти, государственного управления, регуляции социальных отношений и т.п. Сложно допустить, что ее актуальность когда-либо падала, но невозможно не признавать случаи ее обострения, когда человечеству приходилось сталкиваться с глобальными кризисами, к числу которых относится и нынешняя пандемия COVID-19.

Категория «справедливость» отличается смысловым разнообразием. Однако в контексте социокультурной модели российского общества она сохраняет свое фундаментальное значение и в коннотации, скорее, ближе к «социальной (дистрибутивной) справедливости», что семантически отождествляется с понятием «равенство» [27]. Так, например, в отношении Президента РФ, который традиционно занимает лидирующие позиции в опросах доверия населения к институтами власти, основной претензией россияне называют «*несправедливое распределение доходов*» [34; 15; 43].

Примечательно, что запрос российской молодежи на обеспечение справедливости, в пределах статистической погрешности, находится на том же уровне, что у среднего россиянина и, согласно опросу ФОМ, также входит в топ-5 наиболее важных понятий (31% и 30% соответственно поставили «справедливость» на 1-е место) [50]. Схожую картину показали и результаты нашего анкетирования социально активной молодежи, где 70% респондентов оценили по 5-балльной шкале важность ценности «справедливость» на «5» и еще 17% — на «4».

Подобная приоритизация справедливости как ключевой ценности-регулятора социальных отношений позволяет нам допустить, что моральную призму российской молодежи можно интерпретировать через концепцию «деонтологического либерализма» [36].

«Деонтологический либерализм» — это теория социального устройства, в основе которого лежит примат справедливости над всевозможными моральными и политическими идеалами. Его можно определить как противоположную учению утилитаризма систему взглядов и принципов, где поступок является моральным лишь в том случае, если он мотивирован выполнением долга [57].

Теоретическая верность данного тезиса, однако, сталкивается с практическим разногласием. Результаты проведенного нами исследования — ранее упомянутое анкетирование и интервью с экспертами в сфере молодежной политики — позволяют нам говорить, скорее, о «*либерально-деонтологическом парадоксе*» социальной и гражданской активности российской молодежи в период пандемии COVID-19.

Суть парадокса заключается в том, что, несмотря на высокую значимость ценности «справедливость» у российской молодежи, в контексте обострения социальной несправедливости на фоне пандемии COVID-19 чувство гражданского долга не стало долгосрочным стимулятором ее социальной и гражданской активности. Динамика активности молодежи была хорошо описана М.А. Косенко, директором КГАУ «Дом молодежи» (г. Комсомольск-на-Амуре), который в ходе интервью рассказал о изначально импульсивной включенности большого числа молодых людей в волонтерские движения, такие как «Мы вместе», что сменилось апатией, поскольку «молодежи перестали быть интересны онлайн-контенты, [...] произошло перенасыщение, и контент мог завлечь только стимуляционными формами материальной поддержки: брендировка, награды, призы и т.д. [...]».

С критической точки зрения, объективно было бы допустить, что проблема низкой активности российской молодежи связана с неосведомленностью о существовании в их регионе НКО и волонтерских движений или — возложением надежды на «спасение» на государство. Тем не менее, результаты нашего исследования показывают диаметрально противоположное.

90,6% респондентов заявили, что озабочены с деятельностью подобных объединений в своем регионе и еще 62,3% ответили утвердительно на вопрос «приносят ли они пользу им самим». Среди последних 25% назвали пользой для себя знакомство с единомышленниками, получение благотворительной помощи — 21%, пространство для самореализации 14% и др.

При этом в отношении исполнения государством своих социальных обязательств у современной молодежи сохраняется больше негативной настроя. Так, отвечая на вопрос о наличии каких-либо ожиданий по поддержке органами государственной власти благосостояния населения и активности молодежи, 64% респондентов ответили «никаких».

Средняя оценка усилий государства по 10-балльной шкале составила 4,1 балла. Комментируя же степень взаимодействия молодежи и государства в период самоизоляции, А.Ф. Иванников, проректор по воспитательной и социальной работе ТвГТУ, подтвердил «[...] Та молодежь, которая была активна (5–10% от общего числа), так же активной и осталась».

Таким образом, мы можем заключить, что одной из проблем формирования единой гражданской идентичности российской молодежи является «либерально-деонтологический парадокс», суть которого заключается в ценностно-поведенческом расстройстве даже по таким категориям, как «справедливость».

Вопрос 2. Причины трансформации социальной и гражданской активности молодежи и мотивация участия в условиях пандемии

Белов С.И.

Гражданская активность российской молодежи: динамика и ее причины

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

В качестве одних из базовых причин трансформации социальной и гражданской активности молодежи необходимо рассматривать сочетание двух факторов — изменения системы ценностей, задающей модели поведения и образ мышления подрастающего поколения, и неудовлетворенность запроса на позитивный образ будущего, отвечающий жизненным установкам молодых людей.

Исследования ВЦИОМ и ФОМ, проведенные в 2014–2021 гг., указывают на то, что молодые россияне в значительной степени расходятся во мнении с представителями старших возрастов в таких вопросах, как допустимость публичной критики в адрес религиозных символов, адекватность традиционного распределения гендерных ролей, модель

организации взаимоотношений в семье. Более того, количественные опросы указывают на то, что значительная часть молодежи перестает воспринимать в качестве маргиналов ряд меньшинств, подвергаемых стигматизации представителями старших поколений [48]. Таким образом, социологи констатируют отсутствие консенсуса в отношении концепта, позиционируемого в рамках общественно-политического дискурса при помощи термина «традиционные ценности».

Последнее, обуславливается комплексом взаимосвязанных факторов. Рост продолжительности пребывания среднестатистического сотрудника на рабочем месте, практика подработок, распространение вахтового способа занятости, увеличение масштабов маятниковой миграции в пределах крупных городских агломераций, специфика политики пространственного развития РФ способствуют тому, что родители все меньше времени уделяют воспитанию детей. Одновременно после 2012 г. наблюдается существенное сокращение масштабов государственных программ в рамках реализации молодежной политики. При этом традиционные СМИ и связанный с ними сегмент массовой культуры в значительной степени утратили актуальность для подрастающего поколения. Его медиапотребление отличается ориентацией преимущественно на зарубежную продукцию либо контент, производимый россиянами на международных Интернет-площадках, либо в рамках трендов глобальной массовой культуры, или либо популяризации точек зрения, маргинализируемых мейнстримными масс-медиа. Соответственно, роль семьи, традиционных российских медиа и аффилированного с ними сегмента популярной культуры в гражданской социализации молодежи в последние десятилетия существенно снизилась. Как следствие, система ценностей подрастающего поколения начала меняться в соответствии с установками, заданными альтернативной культурной повесткой. Последнюю при этом нельзя сводить лишь к содержанию контента, транслируемого западными медиаакторами [21].

Трансформация системы ценностей обуславливает отрицание многими представителями молодежи моделей политического восприятия, присущих старшим возрастным группам. Ситуацию усугуб-

ляет то, что персональный социальный опыт молодых людей и структура медиаповестки способствуют дискредитации ряда установок, постулируемых старшими поколениями (таких как, например, этатизм и патернализм). Свою роль играет и подрыв авторитета старших поколений в глазах части молодых людей, воспринимающих «отцов и дедов» как людей, несущих на себе ответственность за социально-экономический коллапс 1990-х гг. [3, с. 4].

Важно учесть и то, что существенная часть молодежи в силу естественных причин воспринимает текущий уровень благосостояния как данность и ориентируется на стандарты потребления, сформированные либо в рамках стереотипов о реалиях зарубежных государств, либо в контексте образа жизни представителей популярной культуры, либо в ключе комплекса представлений о повседневной жизни постоянного населения мегаполисов. Воздействие этого фактора усиливает рост масштабов проникновения Интернета [13. С. 70].

Большая часть представителей молодежи верит в возможность достижения личного благополучия, однако скептически настроена по отношению к перспективам повышения уровня жизни в общероссийских масштабах. За пределами мегаполисов также широко распространены сомнения в перспективах развития территории проживания. Для большинства представителей молодого поколения также характерен консенсус в плане восприятия барьеров на пути к самореализации. Они отмечают наличие многочисленных препятствий на пути к достижению личного благополучия в виде бедности, коррупции, фаворитизма, «кумовства», снижения доступности услуг медицины и образования и т.д. В целом для молодежи характерна низкая степень уверенности в способности политического истеблишмента успешно реализовать программы социально-экономического развития страны. Что автоматически ставит на повестку дня вопрос о движении в сторону альтернативных вариантов политической модели [25].

Впрочем, данное направление деятельности выбирает меньшинство представителей подрастающего поколения с активной гражданской позицией. Большая часть предпочитают концентрировать усилия на реализации волонтерских

проектов, затрагивающих наиболее актуальные для них лично проблемы общества. Однако лиц, отказавшихся от участия в протестной активности, нельзя рассматривать как лоялистов, поскольку их участие в тех или иных инициативах рассматривается зачастую как вынужденная мера, обусловленная отсутствием должного внимания со стороны государства к тем или иным проблемам [33; 47].

Скипин Н.С. **«Забота», «искренность», «тревога»** **как основные причины трансформации** **социальной и гражданской активности** **молодежи**

В основе деятельности, будь то молодежь или другая социальная группа, на наш взгляд, лежат определенные потребности, которые в конечном итоге формируют определенные представления о «правильном» и «ценном» поведении как самой личности, так и ее окружения и общества в целом. Коронакризис, или период пандемии — это кризис существования, и мы видим потребность молодежи в таких абстрактных и поразному понимаемых экзистенциальных категориях, как «забота» и «искренность», а также наблюдаем причину такого запроса в «тревоге», с повышенным чувством которой приходилось жить какое-то время. В начале пандемии молодежь (и не только она) была встревожена отсутствием опыта и единой стратегии на новый вызов. Сейчас тревога несколько отступила, но она не перестала быть атрибутом жизни молодых людей. Современной молодежи приходится жить в условиях неопределенности от рождения и до сегодняшнего дня, и это стресс, который можно снижать заботой «старшего» поколения. В этом смысле, молодежь апеллирует к власти, как к «Большому Другому», перед которым молодежь позволяет себя признать «уязвимой» и просит заботы. Здесь мы усматриваем запрос молодежи на образ «добротного отца», который доброжелательно настроен, уверен, держит все под контролем, но при этом готов к доверительному диалогу и умеренной помощи.

Этот запрос выражается как в мирных формах: участие молодежи в грантовых конкурсах (для реализации собственных инициатив за счет государственной поддержки), в формах избирательной активности (для демонстрации удовлетворения потребности или наоборот), в формах гражданской и социальной поддержки (трансляция собственной потребности на «другого»); так может быть выражен в формах более радикальных: участие в противозаконных акциях (агрессивная форма демонстрации потребности). Выбор формы (мирной или протестной) для молодежи может складываться из понимания искренности происходящей заботы. Искренность заключена в честном ответе на запрос от молодежи, тогда даже умеренная помощь будет восприниматься «не в штыки». И здесь можно вспомнить протестные настроения молодежи лета 2020 года, связанные с голосованием по вопросам внесения поправок в Конституцию РФ, а также материальной помощью и увеличением сроков голосования. Молодежь не поверила в искренность действий власти, что привело к некоторой напряженности.

В этом же русле мы можем интерпретировать ответы экспертов на вопрос «Как в период пандемии трансформировалась социальная и гражданская активность молодежи?». Например, несколько экспертов отметили активизацию (М.А. Кленова) или рост активности: *«Мы же вообще забыли, что нас что-то может убить, а тут этот вирус. И многие, как говорится, уверовали в важность здоровья, себя, близких. В социальной активности это все вылилось в развитие добровольческого движения, например, помощь пожилым людям и т.д.»* (Н.В. Парина, М.И. Прокошина, О.В. Цапко, А.Е. Манзула, Т.Н. Лежнина, Ф.С. Харитонов).

Такое поведение молодежи, на наш взгляд, связано с тем, что она осознает свою потребность в «заботе», и экстраполирует этот запрос на другие социальные группы в виде такой активности, как движение «Мы вместе» и т.д. О важности «искренности» говорилось в ключе безальтернативности очным форумам моло-

дежи, где всегда присутствовал нетворкинг и живое общение, а с переходом на онлайн-форматы потерялась «душа» этих форумов: *«Если мы образовательный процесс еще хоть как-то можем перевести в онлайн, то все вещи, связанные с организацией нетворка и коммуникации, они нивелируются в онлайн»* (М. Кривопад). Была отмечена «забота» на местах: *«кто-то помогал своим товарищам в учебе, кто-то продвигал свои проекты, кто-то поучаствовал в новых проектах»* (В.Е. Меников), а также, повышение напряженности из-за отсутствия «заботы»: *«Потребности в том, чтобы накопленное напряжение сбрасывать. Поэтому получаем протесты», «Предоставили ли мы, органы по делам молодежи, возможность активно проявлять себя в период пандемии? К сожалению, нет... Когда началось постепенное снятие ограничений после первой и второй волны коронавирусной инфекции, мы увидели огромную активность молодежи в виде демонстраций, выхода на улицу и поддержки определенного альтернативного мнения»* (М.А. Кленова, М.А. Косенко).

Необходимо анализировать последствия трансформации гражданской и социальной активности молодежи и предлагать современные технологии работы с уже зафиксированными поведенческими и иными изменениями.

Девочкина А.С. **Анализ мотивации социальной и гражданской активности молодежи: вызовы пандемии**

Пандемия коронавирусной инфекции внесла существенные изменения в общественную жизнь, в том числе в виде социальных трансформаций в поведении и мотивационной структуре личности молодого человека, что непосредственно является новым вектором для изучения в социальных, политических, психологических, педагогических и междисциплинарных науках. Формы социальной активности, выраженные в участии молодежи в молодежных форумах, протестных акциях и митингах, волонтерской деятельности и пр., во время пандемии вызвали немало вопросов. Они определяют основные особенности группового и индивидуального поведения молодежи, выраженного в преобразовании действительности, изменении своего социального «Я» и поиске места в обществе.

Понятие социальной и гражданской активности предполагает широкий диапазон подразумеваемых явлений — от активности, взятой в любом социальном контексте, до активности, понимаемой как конкретное поведение сегмента социальной реальности [52]. Первостепенно активность основывается на детерминантах инициативности индивида, его позиционировании себя в общественном пространстве и удовлетворении личностных потребностей через поведенческие мотивы. Об этом свидетельствуют мотивационные теории личности, например, ERG Клейтона Альдерфера [46]. Так, личность выстраивает свое поведение согласно основным потребностям, классифицируемым на 3 группы: необходимость жизнеобеспечения (Existence), связи и самосовершенствования (Relatedness) и развития, роста (Growth), причем движение по иерархии потребностей возможно в двух направлениях, определяемое степенью удовлетворенности индивида. Примечательно, что во время жестких ограничительных мер пандемии в первую очередь актуализировались основные потребности личности, направленные на поддержание факта человеческого существования, а практическая корреляция других поведенческих аспектов мотивации была проверена в ходе исследования, направленного на изучение новых форм социальной и гражданской активности молодежи в контексте современного исторического вызова.

Исследование носило комплексный характер: было опрошено 112 респондентов в возрасте 14–35 лет, представленными молодыми людьми с активной гражданской позицией и проведены 13 экспертных интервью со специалистами сферы государственной молодежной политики, что позволяет нам рассуждать о репрезентативности выборки. В рамках проводимого социологического опроса респонденты отвечали на вопросы о влиянии периода самоизоляции на их желание участвовать в социально-гражданской активности, формах ее проявления и причинности мотивации в период пандемии. Было отмечено, что 47% молодых людей не находят взаимосвязи между причинностью их активной общественной деятельности и влиянием пандемии, но период самоизоляции повысил их заинтересованность в реали-

зуемых региональных и федеральных проектах. 32% говорят об увеличении желания работать на благо общества, участвовать в деятельности НКО и общественных движений, помогать тем категориям населения, которые больше всего пострадали в этот период, в том числе участвуя во всероссийской акции «Мы вместе». Остальные же обозначили отрицательный эффект влияния периода самоизоляции на их активную деятельность в виду личностного кризиса и страха заражения, но отметили, что пандемия, указав на особо острые проблемы общества, вызвала желание объединяться и решать их, проявляя свою гражданскую активность и в онлайн-формате. Согласно полученным данным, термин «пандемийной активности» больше всего выражался в участии молодежи в молодежных образовательных форумах, добровольческой (волонтерской) деятельности, деятельности социально ориентированных НКО, молодежных общественных объединений, публичном выражении своей позиции в СМИ, реализации собственного проекта в порядке приоритизации. Оценивая мотивационный аспект проявления социально-гражданской активности молодежи во время пандемии, можно выделить три ключевых потребности, выраженных на уровне связи и развития, согласно мотивационной теории ERG К. Альдерфера: желание изменить жизнь к лучшему, желание почувствовать себя в коллективе единомышленников и чувство долга.

В ходе экспертной оценки мотивации молодежи особое внимание уделяется чувству сопричастности, возможности помочь, быть единой командой в решении общей задачи. Как отмечает эксперт, кандидат психологических наук М.А. Кленова: «... для молодежи — это внутренняя потребность в самореализации, отражение внутренней позиции через любую форму социальной активности. Социум сам задает формы активности, предлагая их через деятельность... если индивид видит себя в этой сфере реализующимся, то это и определяет его путь».

Активность молодежи в мотивационном аспекте также рассматривается как «внутренняя энергия, внутренний ресурс». Сам факт активной гражданской позиции молодежи во время пандемии является направлением данного ресурса без последующего самовыражения и удовлетворения своих потребностей индивида через деятельность. Говоря об изменении интенсивности проявления социальной и гражданской активности молодежи, 8 экспертов из 13 отмечают, что активность осталась практически неизменной: она сначала резко «рванула» вверх, потом снизилась (состояние фрустрации), затем стабилизировалась. Наблюдалась некая периодичность в ее динамике, что является также детерминантом трансформации социальной активности в онлайн-формате. Как отмечает эксперт, директор Дома молодежи г. Комсомольска-на-Амуре М.А. Косенко: «10–15% молодежи как были, так и остались активными». Два эксперта отмечают активность молодежи только в рамках добровольчества, поскольку это является современным трендом проявления социальной и гражданской ответственности.

По итогам проведенного исследования мы можем говорить о мотивационном аспекте участия молодежи в различных формах социальной и гражданской активности, анализируя пандемийный опыт, коррелируемый с постковидной реальностью и деятельностью молодежи, выраженной в проектной, добровольческой и другой инициативной деятельности.

Таким образом, мы можем выявить особенности тенденций мотивации участия молодежи в новых формах активности: стратегия индивидуализации поведения, выраженная в самореализации индивида, чувство патриотизма и долга, коллективность и готовность сплочения ради решения общей проблемы.

Санников М.Н. **Мотивация участия молодежи** **в различных формах активности** **в условиях ковида**

Весна 2020 года стала серьезным испытанием на прочность для всего человечества. Не стала исключением и отрасль молодежной политики, как одной из наиболее динамично развивающихся. Одним из инструментов реализации работы с молодежью в России является Всероссийская молодежная форумная кампания, которая ежегодно проводится Федеральным агентством по делам молодежи [35]. В марте—апреле судьба кампании зависела от санитарно-эпидемиологической ситуации в регионах, в связи с чем возникла неопределенность своих планов у целевой аудитории — студенческой молодежи.

В апреле 2020 года авторским коллективом кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина было проведено исследование представлений молодежи о форумной кампании в условиях сложившейся санитарно-эпидемиологической ситуации в России. В анкетировании, проведенном в онлайн-формате на ресурсе «Яндекс.Формы» с помощью социальных сетей, приняли участие 250 молодых людей из города Екатеринбург, среди которых 50% студенты всех курсов, форм и видов обучения, а 50% — представители иных категорий молодежи старше 18 лет.

При ответе на вопрос «Следует ли проводить Всероссийскую форумную кампанию 2020 в классическом виде (очные форумы на подготовленных площадках на территории страны)?» более 60% респондентов указали, что следовало проводить офлайн-форумы (варианты «Однозначно да» и «Скорее да, чем нет»), и столько же указали, что готовы, несмотря на угрозы заболевания, принимать участие в очных форумах.

Респондентам было предложено проранжировать мотивы участия в очных форумах в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (рис. 1) по шкале от 1 до 5, где 1 — наименьшая значимость мотива, а 5 — соответственно, наибольшая значимость. Выражены средние оценки мотивов, исходя из результатов ответов респондентов.

Ведущим мотивом участия студентов (4,49) стала возможность получить новые знания. Именно образовательная направленность мероприятий форумной кампании декларируется ежегодно в качестве ключевой для целевой аудитории [17].

Наименее значимым мотивом (2,24) стала возможность сэкономить на питании на время проведения форума: питание и проживание в рамках форумов обеспечивается за счет организаторов.

В группу ведущих мотивов студентам — участниками опроса — были также отнесены возможности расширения своих социальных контактов, приобретения новых знакомств (4,15), получения новых впечатлений, эмоций (4,19), веселого времяпрепровождения (3,86).

Не менее важно было определить имевшийся к моменту проведения опроса опыт респондентов по отношению к форумной кампании. Только 60% респондентов дали утвердительный ответ на вопрос: «Принимали ли Вы участие в форумах ранее?». Из числа тех, кто не принимал участие в форумах заявили о своем нежелании участвовать лишь около 4% респондентов, причем все из них — в возрастной категории 25 — 29 лет, поровну — студенты заочной формы обучения направлений подготовки магистратуры и работающей молодежи.

Возможный онлайн-формат проведения форумной кампании также не стал бы препятствием: 70% респондентов указали готовность к участию в онлайн-форумах.

Учитывая отсутствие широкого опыта реализации и участия в онлайн-мероприятиях на момент проведения опроса, считается наиболее валидным рассмотрение результатов ответа на вопрос: «Что будет являться для Вас более предпочтительной альтернативой форумам в дистанционном формате?». Были представлены варианты для оценки по пятибалльной шкале.

В качестве основных альтернатив (по среднему баллу) были указаны: чтение литературы (3,59), физически активная деятельность по видам спорта (3,57), та же деятельность с техническими устройствами (катание на велосипедах, электротранспортных средствах) (3,37) и встречи с друзьями (3,36).

Наименее предпочтительными альтернативами являются: онлайн-игры (2,22), научная работа (написание статей

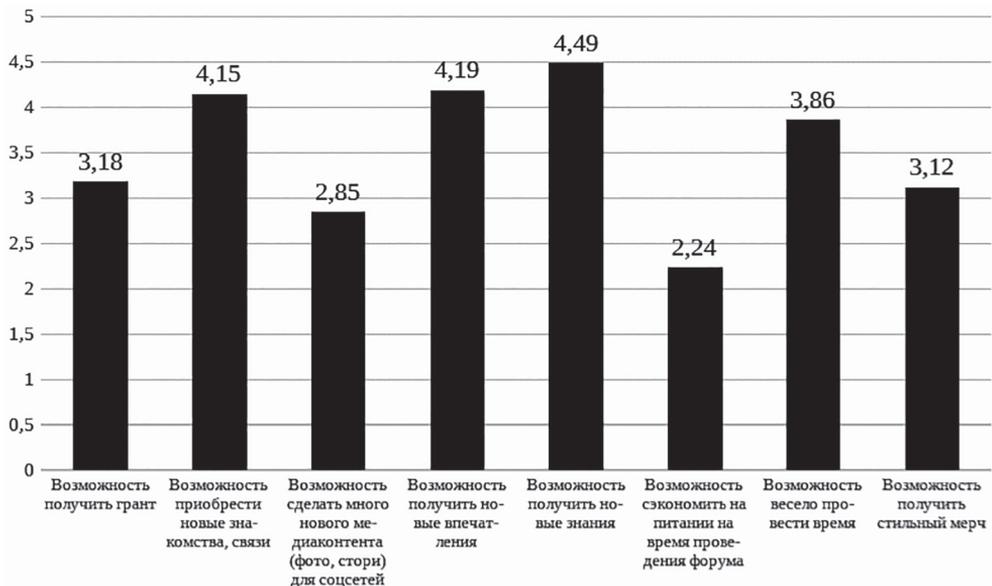

Рис. 1. Средняя оценка мотивов участия в форумной кампании в очном виде по пятибалльной шкале

на конференции и в журналы) (2,91) и отдых в саду, на даче (2,98).

Нейтральными альтернативами по оценке респондентов можно считать: творческие занятия в секциях, кружках, студиях (3,25), видеосервисы трансляций и развлекательного контента (YouTube, Twitch и т.д.) (3,07) и сервисы кино и сериалов (Netflix, Hulu, Premier, Кинопоиск и т.д.) (3,06), а также творческие домашние занятия (вышивание, вязание и т.д.) (3,0).

Таким образом, несмотря на все угрозы, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции, молодежь Свердловской области выражала свою готовность к риску ради новых знаний, впечатлений и социальных контактов.

Вопрос 3. Виртуальные формы социальной и гражданской активности молодежи в период пандемии

Коростелева Т.В.

Поведенческие практики молодежи в период пандемии COVID-19

Привычные поведенческие практики молодежи претерпели существенные изменения под влиянием внешних обстоятельств: ограничение свободы передвижения и личных контактов, новые форматы образования и работы, усиление цифрового погружения и социальных сетевых сервисов. Какие новые поведенческие практики сложились за время пандемии у молодого поколения на глобальном и локальном уровнях?

В Глобальном отчете «Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние» [31], подготовленном Международной организацией труда, объединяющей представителей правительств, работодателей и работников 187 государств, отражены непосредственные последствия пандемии для жизни молодых людей (в возрасте 18–29 лет) с точки зрения занятости, психического благополучия, прав и социальной активности. Было получено более 12000 ответов от молодых людей из 112 стран;

популяция обследования репрезентативна, представлена студентами, молодыми рабочими с высшим образованием и составляет около четверти молодых людей в странах, включенных в выборку. Согласно отчету, многие молодые люди уже ощутили на себе непосредственное влияние пандемии: с ее началом каждый шестой молодой человек был вынужден прекратить трудовую деятельность, а среди тех, кто продолжал работать в это период, у 42% сократились доходы.

Это не могло не оказать влияния на их психологическое здоровье. В докладе отмечается, что 50 процентов молодых людей потенциально могут испытывать чувство тревоги или депрессии, а еще 17, по всей вероятности, уже столкнулись с этими проблемами. По приведенным в докладе данным, в волонтерскую работу во время пандемии был в той или иной степени вовлечен каждый четвертый молодой человек. В документе предлагается незамедлительно принять масштабные и целенаправленные меры, призванные не допустить, чтобы в результате кризиса оказались подорванными перспективы трудоустройства целого поколения, а также меры, направленные на поддержание психического здоровья молодых людей, — от психологической поддержки до занятий спортом.

Воздействие пандемии на молодых россиян носит систематический, глубокий и непропорциональный характер. Молодые люди озабочены своим будущим и своим местом в обществе. По нашим наблюдениям, за период пандемии в молодежном сообществе *резко выросло ощущение ценности человеческой жизни, а эмпатия стала нормой*. Молодежь активно включилась в волонтерское движение по предоставлению медицинской, интеллектуальной и организационной помощи в работе с группами риска.

Развитие онлайн-волонтерства — один из трендов года. В условиях пандемии коронавируса добровольцы проводили бесплатные вебинары для пожилых людей по обучению работы в интернете, онлайн-конкурсы. Через онлайн-формат появились также программы инклюзивного волонтерства.

Пандемия *легитимизовала стигматизированную до этого в молодежном сообществе интровертированность*. Как производная социального дистанцирования, позиция интроверта стано-

вится социальной нормой. Интровертированность проявляется в минимизации стремления к неизменно позитивному эмоциональному подъему, поиске смысла происходящему в реальном времени.

Изменения затронули и потребительские предпочтения молодежи. Сверхпотребление рождало завышенные ожидания, стало иррациональной самоцелью. В исследовании Ж. Бодрийера сверхпотребление ранее описано как завершенная стадия эволюции: «Мы находимся на той стадии, когда «потребление» охватывает всю жизнь, когда все роды деятельности комбинируются одним и тем же способом, когда русло удовольствий прочерчено заранее... В феноменологии потребления общий микроклимат жизни, благ, предметов, услуг, поведения и социальных отношений представляет собой законченную стадию в эволюции» [6, с. 13–15].

Изменившаяся модель потребления молодежи в сторону осознанности разрушает привычные организованные очаги потребления предметов и вещей, еще недавно составлявших атрибуты социального успеха у молодежи.

Среди принципов осознанного потребления молодежи, которые активированы пандемией, помимо снижения покупательской активности, — отдельный сбор вторичного сырья, рост отказа от одноразовых предметов в пользу многократной альтернативы, организация экологичного рабочего места на «удаленке».

Наш исследовательский интерес текущего года касался изучения трансформации представлений молодежи о роскоши в период пандемии COVID-19. Анкетный онлайн-опрос молодых москвичей в возрасте до 25 лет по репрезентативной выборке в размере 180 человек позволил выявить следующее. *Укрупненной метафорой осознанности в представлениях молодых людей выступает «надежда»*. Она потенциально является регулятором социальной активности и поведения молодежи. Иллюстрацией могут служить следующие примеры ответов на вопрос о том, что такое роскошь: «Роскошь — это «мозги» и близкие люди рядом» (Артем, 23 года); «Это живые родители, счастливая семья, отсутствие болезней, хорошее здоровье, уют и благополучие в доме» (Юлия, 22 года); «Роскошь — это свобода. Свобода в мыслях, поступках, в распоряжении своим временем, своими ресурса-

ми» (Мария, 25 лет); «Не зависеть от чужого мнения» (Всеволод, 19 лет); «В человеке роскошь — в его воспитании, поведении» (Александра, 21 год).

Завершая краткий обзор проблемы, признаем, что поведенческие практики, активность молодежи в новых реалиях прирастает теми степенями свободы, которые связаны с освоенным чрезвычайно значимым для нее социальным и предметным опытом.

Грубая Т.Н. **Онлайн-формат как новый инструмент социально-гражданской активности молодежи**

На современном этапе развития в России существует весьма широкий круг формальных возможностей для реализации населением потенциала в социально-гражданской активности [14]. Период пандемии, начавшейся в 2020 году, трансформировал социально-политическую реальность [18; 7]. Появились новые средства для самореализации, в том числе в цифровой среде. Поскольку самоизоляция предполагала жесткие карантинные меры и ограничения социального взаимодействия, основная активность населения, а в особенности молодежи, перешла в сферу онлайн. Согласно исследованиям проекта WEB-Index, проведенным в феврале-ноябре 2020 года, активность молодых россиян 12–24 лет в Интернете приблизилась к отметке в 100% [1].

С одной стороны, подобный переход позволяет расширить формы участия граждан в политическом поле. С другой стороны, ученые активно ведут дискуссии о том, насколько эффективен подобный переход. Сфера Интернета характеризуется обезличенностью и, как следствие, минимальной ответственностью за принятые решения. Одна из теорий, описывающая подобную активность — «*slacktivism*» (англ. *slacktivism*, слово-гибрид, состоящее из слов *slacker* — бездельник и активизм), акцентирует внимание на фактическом отсутствии политического и социального воздействия. Формируется иллюзия сопричастности и влияния на мировую повестку [16].

2021
№1-2

ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ КРУГЛЫЙ СТОЛ «Трансформация социальной и гражданской активности молодежи в период COVID-19»

Данные исследования позволяют выдвинуть гипотезу о том, что в сферу онлайн переместились не только традиционно привычные для нас форматы встреч и обмена информацией, но и различные формы социально-гражданской активности молодежи. Для изучения ее трансформации в период COVID-19 были собраны 13 экспертных интервью у специалистов по работе с молодежью и опрошены 112 респондента в возрасте 14–35 лет.

В период самоизоляции респонденты по-разному почувствовали изменения своей социальной активности. Например, 20,8% отметили ее неизменность, 17% вовсе указали на то, что активность была ограничена. И лишь 17% увидели не ограничения, а новые возможности, с помощью которых повысилась активность, например, участие в акции «Мы вместе». Этот период помог выявить в обществе коренные проблемы и простимулировать желание ребят заниматься собой и общественной деятельностью. Более того, отмечается, что повысился уровень информированности молодежи о реализуемых в стране проектах.

43% респондентов отмечают, что активность молодежи осталась в прежних формах. Тогда как 57% указывают на ее виртуализацию, то есть переход в онлайн-формат. В то же время этот переход воспринимается зачастую как естественный в силу ограничений (44,4%) и потенциально возможный в ближайшем будущем (32,1%). Не менее важно отметить, что в онлайн-формат перешли те формы и инструменты, которые технически было возможно туда перенести, например, образовательный процесс, сбор пожертвований, подписание петиций и публичное высказывание мнения.

По мнению респондентов, иерархия площадок, где молодежь активно проявляет социально-гражданскую активность, немного сместилась. На первое место вынесена активность в сети Интернет (79,2%). Затем идут учебные заведения (58,5%) и различного рода уличные акции протеста (50,9%). Наименее популярными оказались традиционные

площадки для проявления гражданской активности — выборы (11,3%), партии и общественно-политические движения (17%). Наиболее частыми формами проявления социально-гражданской активности для молодежи в период самоизоляции оказались добровольчество (37,7%), публичное выражение позиции в СМИ, блогах и форумах (35,8%), а также реализация собственного проекта.

Выражение собственной политической позиции в социальных сетях воспринимается довольно неоднозначно. Первая группа респондентов относится к этому положительно, так как это право каждого — выражать себя любым удобным способом. Более того, социальные сети воспринимаются как самый простой и эффективный способ выразить свое мнение. Вторая же группа нейтрально относится к таким проявлениям, так как считает, что власть может блокировать нежелательный контент и вряд ли прислушается к тому, что размещают в сети простые пользователи. Лишь три человека указали на отрицательное отношение к подобным проявлениям.

Эксперты в интервью отмечают, что в период самоизоляции молодежь стала осваивать новые профессии на онлайн-платформах, где и нашла новые возможности для реализации. Также отмечается увеличение количества волонтеров, вызванное высвобождением времени и ростом самосознания.

В отличие от молодежи, эксперты полагают, что никакие, даже самые «продвинутые» формы онлайн-общения, не заменят живых обсуждений и встреч. Утрата традиции человеческого общения, которая может произойти из-за перехода социально-гражданской активности в онлайн, чревата атомизацией общества. К тому же взаимодействие людей ведет к высвобождению эмоций и, как следствие, снижению протестной активности. Обратное мы могли наблюдать на январских протестах, когда молодежь участвовала в акциях, по мнению экспертов, лишь с целью «прогуляться» и высвободить накопившуюся энергию.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод о том, что в период самоизоляции произошел переход социально-гражданской активности молодежи в онлайн-пространство. Тем не менее, нельзя сказать, что это стало или же в перспективе станет устойчивой тен-

денцией, так как онлайн-среда не способна стать релевантным заменителем живого общения и совместных действий. К тому же, по мнению респондентов, ее гораздо проще регулировать и блокировать, а потому считать ее полноценной площадкой для выражения политической позиции довольно сложно.

Бесспорно, онлайн открыл новые возможности для реализации себя и показал существование совсем иных способов влияния на социально-политическую действительность. Перспективным остается изучение вопроса эффективности и характера влияния онлайн-активности на принятие политических решений.

Пронина Е.В., Юдина А.М.
**Трансформация виртуальных форм
молодежной активности студентов
в киберинформационной среде**

Социокультурная обусловленность стратегий развития общества в условиях роста глобализационных процессов и процессов цифровизации инициирует потребность образовательных институтов к изменению, пересмотру средств и методов вовлечения, сопровождения и научения молодежи дифференцированным формам проявления конструктивной активности.

Социальное познание зарождается во взаимодействии, которое обусловлено широким социальным контекстом. Возникает необходимость анализа этих взаимодействий в конкретных социальных «средах» [39].

Рост явлений цифровизации, виртуализации формирует интеграцию социокультурной и киберинформационной сред, что создает уникальный психолого-педагогический феномен «сетевое столетия» [53] — субъективную молодежную активность, проявляющуюся в двух средах (реальной и виртуальной), стремящихся к смысловой множественности.

Мы разделяем мнение У. Бека, что трансформация активности молодых людей происходит в «обществе риска» [5], когда рискогенные процессы преобладают над конструктивной самореализацией, самоактуализацией в ситуации неопределенности субъективного выбора при наличии неограниченного множества гипотезированных бытийных феноменов. Таким образом, неопределенность при высокой интолерантности

к ней молодого человека инициирует проблемы постановки дуалистического выбора, принятия решения, личностной регуляции [22].

Социальная напряженность в обществе, деонтологизация бытия провоцируют рост внимания к таким явлениям, которые мы бы определили как деструктивные, агрессивные, противоправные. Ж.Ф. Лиотар утверждает, что в условиях неопределенности человек способен отказаться от права принятия решения, от своей творческой индивидуальности, чтобы снизить напряжение от давления на свою субъектность при отсутствии способности воспринимать амбивалентные, дифференцированные феномены социокультурной среды в их истинном многообразии [26].

Таким образом, когнитивная простота, упрощенный набор средств саморегуляции инициируют потребность поиска среды, в которой напряжение от экзистенциальной неопределенности будет ниже. Такой средой становится киберинформационный *deep net*.

Ж. Бодрийяр дополняет и обосновывает включение в киберинформационную среду «симулякров» и «симуляций», которые в нашем дискурсе снимают «шок» от реальной, но деформированной в восприятии действительности у молодежи.

Контент-анализ ресурсов успешных блогеров позволяет нам сделать ряд суждений:

- тематически контент блогов во многом шаблонен;
- образы авторов деиндивидуализированы (интересно массовое использование одинаковых фотофильтров);
- информация в блогах направлена на привлечение внимания любым, даже не правовым способом (например, инертные реакции снимающего сториз на боль другого человека);
- селфинг в опасных для жизни местах;
- творческая направленность присутствует в 30% подобных ресурсов, иные настроены на схоластическое цитирование, рецензирование, популяризацию чужих продуктов и рекламу.

В то же время трансформационные процессы в виртуальности апеллируют к овладению молодым человеком социокультурной толерантностью к неопределенности через способность не деформировать, а создавать новые смыслы, через интерес к познанию истины, через осуществление научного поиска, через стремление преобразовывать неопределенность в творческий продукт [38; 54].

Таким образом, трансформация виртуальных форм молодежной активности студентов в киберинформационной среде формирует творцов нового мира или радикальных экстремистов, где и те, и другие могут преобразовывать условия неопределенности, но обладают разным пониманием бытия: первые стремятся к познанию истины, созиданию, а вторые «тонут» в созданных симулякрах, виктимном нигилизме и разрушениях [55].

«Новая цифровая социальность», проникновение киберинформационной среды в повседневность помимо позитивных возможностей несет в себе и различные угрозы. Одной из таких угроз является деструктивный контент, который провоцирует формирование и развитие уже отмеченных радикалистских настроений молодежи. Будучи творцом киберинформационной среды, молодой человек переносит эту стилистику в социокультурную бытовую среду, а далее в большинстве случаев латентным и спонтанным процессом может явиться трансформация ценностей [29]. Мы разделяем мнение исследователей и предлагаем наиболее активно развивать навыки культурно-исторической обусловленности событий, soft skills и digital humanities [39].

На наш взгляд, молодой человек, проявляя свою активность может выбрать конструктивные когнитивные стратегии в реализации своей деятельности как в киберинформационной, так и в социокультурной среде. В конечном итоге, воспринимая любую информацию, наш мозг реагирует и получает стимул, а вот реакция обуславливается саморегуляцией, психической организацией, уровнем самосознания, аксиологическими

и нравственными ориентирами, включенностью в научно-исследовательскую и проектную деятельность, которые более, чем другие, помогают преодолеть напряжение неопределенности, переводя его в интерес познания бытия и творческого преобразования действительности.

Вопрос 4. Особенности политической активности молодежи в период пандемии

Чуев С.В.

О новых тенденциях молодежной общественно-политической активности в современной России

Если говорить о трансформации социальной и гражданской активности, то хотелось бы выделить несколько наблюдаемых тенденций.

Во-первых, очевидный кризис традиционных молодежных общественно-политических организаций, которые практически перестали быть заметными акторами политики. На смену бурной активности политических «молодежек» провластной направленности начала 2000-х годов («Идущие вместе», «Наши», «Молодая гвардия», «Россия молодая» и прочие) пришло затяжное затишье. В похожем состоянии находятся и молодежные «крылья» системных оппозиционных партий. Молодежные политические объединения потеряли прежний ореол действенного механизма кадрового рекрутинга. Заметно снизилась их уличная активность. Наблюдается процесс выхолащивания идеологической составляющей в работе молодежных отделений партий. Особенности развития политической ситуации в современной России привели к сглаживанию противоречий между парламентскими политическими партиями разной идеологической направленности, а соответственно и их молодежными структурами. Полагаю, что это в первую очередь связано со сворачиванием внутривнутриполитической дискуссии, а также с общим кризисом российской партийной системы.

Во-вторых, параллельно с вышеупомянутой тенденцией все более заметной становится новая ключевая линия идеологического противостояния, которая разворачивается между так называемыми системными и внесистемными политическими структурами.

Уличные форматы работы стали фактически монополизированы внесистемной оппозицией. Последние опираются не на разветвленную традиционную сеть нижестоящих подразделений с формальным членством, а скорее на поддержку сочувствующих, массовый протест и участие в публичных акциях. Заметную долю присутствующих составляют молодые люди, начиная со школьного возраста. Считаю это в значительной степени следствием первой тенденции: системные политические партии переживают идейный кризис, не продуцируют интересную повестку, нередко имитируют борьбу за власть. Главным поставщиком «новых смыслов» политики становится радикальная оппозиция, с которой не ведут содержательную дискуссию, а предпочитают использовать иные технологии: от замалчивания до силового противодействия. Выталкивание на политическую обочину так называемых внесистемных сил позволяет им приобрести романтизированный жертвенный образ, носители которого борются «против всего плохого». Такого рода политическая репутация в глазах молодых людей, не обладающих достаточным опытом, часто выглядит крайне привлекательной. Именно поэтому массовые акции протеста не смогли остановить ни карантинные ограничения в условиях эпидемии COVID-19, ни отсутствие решений властей о согласовании мероприятий. После первого всплеска молодежного протеста весной 2017 года свою готовность принять участие в массовых акциях протеста подтвердил каждый пятый молодой человек в возрасте 16–24 года, что на порядок выше, чем число молодых людей, участвующих в работе общественно-политических движений и политических партий [4, с. 129]. Очевидно, что ситуация к настоящему дню не изменилась к лучшему, а продолжает накаляться. Власти необходимо предпринять целый комплекс мер по повышению собственной транспарентности в вопросах принятия политических решений, вовлечению молодежи в политическую практику, а также противодействию распространению недоверия электоральным процедурам [51].

В-третьих, сменился приоритет государственного фокуса и поддержки общественных объединений в рамках реализации государственной молодеж-

ной политики. Если некоторое время назад молодежные организации считались главными агрегаторами активностей, то последние годы государственная поддержка в основном оказывается неформальным «командам молодежных проектов», волонтерам. Так, в 2020 году физические лица на всероссийском конкурсе молодежных проектов получили около 1650 млн рублей (63,3%). Таким образом, наблюдается некоторое «отставление в сторону» вертикально структурированных объединений, а также распыление молодежной общественной инфраструктуры, ее атомизация. Вероятно, выбор такого вектора государственной поддержки связан с веяниями времени — невысоким уровнем интереса к традиционным молодежным организациям.

Таким образом, следует отметить наличие определенных сложностей в работе молодежных общественных объединений, в том числе политической направленности. Причинами послужили как объективные факторы, так и особенности настоящего политического времени.

Зиненко В.Е. Актуальные формы политического участия современной российской молодежи: на основе фокус-группового исследования

Молодые граждане включаются в социально-политическую жизнь общества в зависимости от своих потребностей, ценностей, интересов, компетенций, характера решаемых вопросов, политической ситуации. Реализовывать свои политические и гражданские интересы молодежь может в тех или иных формах политического участия. Для нас важно учесть, насколько эти формы актуальны для современной российской молодежи в контексте распространения коронавирусной инфекции.

Под *политическим участием молодежи* мы понимаем совокупность осуществляемых в разных формах и направлениях действий молодых людей в социально-политической сфере, которые обусловлены психологическими

особенностями молодежи как политического поколения и оказывают влияние на политический процесс.

Методологическую базу исследования составили фокус-группы с несколькими вариантами гайда. В период пандемии автором было проведено 6 фокус-групп, в которых приняло участие 41 человек (46,3% мужчин и 53,7% женщин). Участниками качественного исследования являлась молодежь в возрасте от 18 до 32 лет из 11 субъектов РФ. Участниками фокус-групп стали: члены молодежных организаций, молодые люди, которые регулярно посещают молодежные форумы, занимаются волонтерской деятельностью, профессиональной политической деятельностью и участвуют в деятельности представительных органов государственной власти (молодежных парламентов, молодежных правительств).

В ходе фокус-группового исследования молодежь выделила следующие актуальные для нее формы политического участия: участие в выборах; участие в протестных акциях (митинги, одиночные пикеты); участие в волонтерской (добровольческой) деятельности; участие в молодежных образовательных форумах; выражение своего мнения через социальные сети и блоги.

По мнению большинства участников фокус-групп, участие в выборах позволяет им влиять на политический процесс: *«Я готов принять определенные усилия или действия для изменения политической ситуации. Это пойти на выборы и проголосовать, баллотироваться на муниципальные выборы».*

Стоит отметить, что практически все участники фокус-группового исследования занимаются волонтерской деятельностью и считают ее актуальной формой политического участия: *«...молодые люди пытаются пробиться через такие формы, как «Волонтеры Победы», «Волонтеры Конституции», «Волонтеры Выборов». Они стараются найти новые знакомства, социальные лифты».*

Действительно, волонтерская деятельность дает молодежи возможность самореализоваться в широком спектре

социально-политической деятельности и приносить ощутимую помощь государству в решении сложных и проблемных задач.

Согласно фокус-групповому исследованию, молодые люди воспринимают образовательные молодежные форумы как некий социальный лифт, возможность самореализации, приобретение связей и получение финансовой поддержки. То есть посредством форумов молодежь становится более образованной, политически информированной и повышает свою социально-политическую активность: *«На форумах ты получаешь возможность познакомиться с нужными людьми, показать себя, и тебя могут заметить».*

Стоит отметить, что в настоящее время средой для активного вовлечения молодежи в различные формы политического участия и реализации гражданских инициатив становится Интернет. Новые возможности в получении информации и высказывании своих мнений и требований позволяют молодежи активно включаться в политический процесс: *«Самые популярные формы находятся в Интернете. Блоггерство — это уже как отдельная профессия стала в современном мире. Есть строители, есть инженеры, а есть блоггеры. Самое популярное или самое востребованное — это вести свой блог. Высказать свое мнение про политическую ситуацию в стране».*

Что касается участия молодежи в протестных акциях, то отношение к ним достаточно противоречивое. С одной стороны, молодое поколение, особенно младшая когорта (18–22 года), считает его актуальной формой: *«Сейчас самая популярная форма — политический протест, так как все это обсуждают и всем это интересно».*

С другой, многие участники фокус-групп полагают, что участие в протестах не решает никаких проблем и не влияет на политический процесс, соответственно не является актуальной формой политического участия: *«Я считаю, что на митинги ходят люди, у которых недостаточно разума, чтобы оценить, для чего их туда выводят. Многие даже не знают, что там происходит».*

Таким образом, в настоящее время наблюдается трансформация форм участия из узко политических в социально-политические. При этом социальные формы встраиваются в поли-

тический процесс, что подтверждается результатами фокус-группового исследования. Так, актуальными для молодого поколения являются такие формы, как форумная и волонтерская деятельность, участие в выборах и политических протестах, а также выражение мнения через социальные сети и видеоблоги. Поэтому в работе с молодежью надо уходить от чрезмерной политизации и через социальные, гражданские практики встраивать молодежь в политическую систему.

**Тулегенова Д.Д.
Трансформация политической
активности российской молодежи
в период COVID-19**

Молодежь — это важнейший ресурс для развития любого государства и общества, это инициатор и движущая сила прогресса. От участия молодежи в общественных преобразованиях зависит успешная реализация политического курса в целом. Уровень политической активности молодых людей влияет на развитие демократических основ государства, потому что без обратной связи с обществом, в том числе и с такой важной социально-демографической группой, как молодежь, демократия будет носить лишь формальный характер [44].

Пандемия коронавирусной инфекции внесла существенные изменения в общественную жизнь, в том числе повлияла на политическую активность молодежи. Сегодня особенно актуально изучать ее формы, интенсивность, факторы становления ввиду подъема протестных настроений среди молодых людей в России. Изучение политической активности молодежи поможет спрогнозировать ее поведение в той или иной ситуации, скорректировать молодежную политику государства для ее большей эффективности.

Эмпирическую базу данного исследования составили материалы глубинного интервью, экспертами в котором выступили научно-педагогические кадры, сотрудники общественных организаций, которые взаимодействуют с современной российской молодежью. Также используются данные массового опроса, респондентами в котором выступили молодые люди в возрасте 14–35 лет. Сбор данных проводился в 2021 г. коллективом молодых исследователей.

Под термином «политическая активность» понимается весь спектр способов реагирования человека на импульсы, исходящие от политики [40]. Исследовать политическую активность молодежи можно через формы ее проявления. А.В. Селезнева под формами политической активности понимает особенности взаимоотношения субъектов политической активности, способы ее реализации, которые определяют внешние контуры и внутреннее содержание политической активности. Выделяется несколько форм политической активности современной российской молодежи — это электоральное участие, участие в деятельности молодежных общественно-политических организаций и движений, участие в деятельности молодежных представительных органов государственной власти, профессиональная политическая деятельность [45].

Перед тем как отмечать трансформацию политической активности, видится необходимым обозначить в целом уровень интереса к политической сфере у молодежи. Так, в 2019 г. в опросах «Левада-центра» 57% опрошенных молодых людей ответили, что мало интересуются или вообще не интересуются политикой [12]. По данным нашего исследования, проведенного в 2021 г., на вопрос «Интересуетесь ли Вы политическими событиями в России?» утвердительно ответили 64,2% опрошенных.

В проведенном опросе «Левада-центра» в 2020 г. на вопрос «Готовы ли вы участвовать в политической деятельности?» 66% заявили «нет», 1% выбрали ответ «я уже участвую в политической деятельности» [12]. В ходе нашего исследования была выявлена высокая заинтересованность молодежи участвовать в выборах любого уровня. Так, большинство респондентов (39,6%) отметили, что принимают участие во всех выборах. 60,4% ответили, что принимали участие в Общероссийском голосовании по поправкам к Конституции РФ летом 2020 г.

Кроме этого, замечается рост готовности участвовать в политических молодежных организациях. На вопрос «В ра-

боте молодежных организаций какой направленности Вы готовы участвовать?» большинство респондентов (51%) отметили политические организации. То есть можно сделать вывод, что политическая сфера у молодежи является в фокусе интересов.

Одной из самых популярных форм активности среди молодежи за последнее время является участие в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни страны, региона или населенного пункта. Из опрошенных респондентов 35,8% указали, что за последние 12 месяцев принимали участие в подобных мероприятиях. Стоит отметить, что 7,5% респондентов в период пандемии впервые приняли участие в митингах и иных акциях протеста, 7,5% опрошенных стали чаще принимать участие в подобных мероприятиях. Необходимо сказать, что 1,9% респондентов сообщили, что в период пандемии повысилось желание участвовать в акциях протеста. Про характер подобных мероприятий эксперты отмечают, что «многие не против власти, а выступают просто за исполнение законов, которые принимает Государственная Дума».

Повышение протестного потенциала молодых людей некоторыми исследователями объясняется постепенным отчуждением от власти, которое наметилось еще с 2019 г. [49] В ходе опроса было выявлено, что 71,7% опрошенных никак не взаимодействовали с органами власти в период пандемии. Эксперты замечают, что «последние события, такие как выходы молодых людей на улице в 2020 г. с протестными мнениями и высказываниями показали, что никакого взаимодействия молодежи с государством не было».

Другими формами политической активности молодежи считается участие в деятельности общественных организаций (28,3%), в выборах в органы власти различного уровня (22,6%), в деятельности политических партий (18,9%), в проведении избирательных кампаний (18,9%).

В целом можно утверждать, что политическая активность молодежи в период пандемии возросла. Это проявляется в повышенной готовности молодых лю-

дей принимать участие в политических организациях, в различных политических мероприятиях.

Наши выводы подтверждает и сама молодежь. Большинство опрошенных (47%) считают, что период пандемии увеличил их активность (к примеру, ответ одного из респондентов: «самоизоляция положительно повлияла на желание участвовать в социально-гражданской активности, появилось больше времени на размышления о том, что нужно что-то менять»). Молодые люди оценивают себя как движущую силу с большим преобразовательным потенциалом. 72% опрошенных считают, что молодежь является активной силой, способной участвовать в политической жизни страны.

Морозова Е.В. **«Период covid-19» как фактор повышения протестного потенциала молодежи**

Молодежь является особым субъектом протестной активности, что объясняется такими ее особенностями, как «невстроенность» в системные связи с государством и властью, независимость от государственных благ [2], отказ от сотрудничества с системой на уровне инстинктов [28], присутствие в сознании молодежи тенденции негативной мобилизации на основе общей ненависти к чему-либо [37], отсутствие понимания рисков и представлений о возможной эффективности конвенционального политического поведения [9], решающая роль СМИ в социализации молодежи [9], влияние индивидуализации и массовизации на политическую активность молодежи [40]. Эти свойства молодежи обуславливают ее восприимчивость к протестным настроениям. Таким образом, молодежь является значимым объектом политологического анализа и государственной политики. Ввиду этого изучение трансформации политической активности молодежи в «период covid-19» представляется особенно важным.

Проведенное нами в 2021 году исследование подтвердило гипотезу об увеличении протестного потенциала молодежи в «период covid-19». Во всероссийском опросе населения приняло участие 112 активных граждан России в возрасте от 14 до 35 лет. Выборка является случайной. Результаты исследования показали, что лишь 5,7% респондентов стало реже

участвовать в протестных акциях, при этом 7,5% стало принимать участие в акциях протеста чаще, 7,5% в период пандемии впервые приняло участие в подобных мероприятиях, а у 1,9% опрошенных возникло желание принять участие в акциях протеста. Таким образом, среди респондентов, мнение которых о протестах подверглось за период пандемии изменениям, преобладает тенденция к возрастанию симпатий к протестным движениям. 35,8% респондентов за последние 12 месяцев принимало участие в акциях протеста. Тревогу у государства также должно вызывать присутствие в ответах на вопрос «Как период самоизоляции повлиял на Ваше желание участвовать в социально-гражданской активности, деятельности НКО или молодежного форума?» таких вариантов, как «Хочу вырезать все государство», «Положительно, появилось больше времени на размышления о том, что нужно что-то менять», «Когда находишься только дома и занимаешься только работой, появляется желание что-то делать», «Пандемия указала на особо острые проблемы общества. У многих людей появилось желание объединиться и решать эти вопросы, у меня в том числе». Такие ответы указывают на недостаточное количество каналов для выхода энергии молодежи. Кроме того, стремления к конструктивному общению с представителями органов власти в период пандемии у молодежи не отмечается. 71,7% опрошенных представителей молодежи ни разу за «период covid-19» не обращались к представителям власти. При этом молодежь выделяет достаточно большое количество проблем, присущих современной России, но не видит в государстве и его представителях возможностей для их решения. Кроме того, среди ответов на вопрос «Какие ожидания были у Вас в период пандемии COVID-19 от власти и государства в целом по поддержке активности молодежи?» присутствуют такие варианты, как «Никаких, на него нечего надеяться», «Хорошего не ждал», «Никаких, от государства давно уже ничего не ожидаю» и т.п. (около 40% ответов с таким настроением).

Трансформация политической активности молодежи за время пандемии также связана с распространением случаев ее проявления в онлайн-пространстве. Это обстоятельство наряду с приоритетностью использования интернета

в качестве источника получения политической информации обуславливает высокий потенциал такого механизма государственного противодействия вовлечению молодежи в протестные движения, как развитие средств трансляции символической политики в виртуальном пространстве (таких, как каналы YouTube) [11]. Перспективными направлениями государственной работы также являются создание альтернативных каналов для выхода энергии молодежи (особенно, волонтерские движения), материальная поддержка молодежи.

Таким образом, «период covid-19» стал фактором повышения протестного потенциала молодежи. Это проявляется, во-первых, в характерной для этого периода тенденции повышения у молодежи симпатий к протестным проявлениям, в распространенности среди молодежи практики участия в акциях протеста в период пандемии; во-вторых, в разочаровании молодежи в принятых государством мерах поддержки населения во время самоизоляции; в-третьих, в переходе политической активности молодежи в онлайн-пространство, в котором механизмы государственного влияния на население развиты недостаточно.

Список литературы

1. Аудитория интернета в России в 2020 году. <https://mediascope.net/news/1250827/>.
2. Бальбек Р.И. Социально-экономические и демографические факторы политической нестабильности: дискуссионные вопросы / Р.И. Бальбек // Социально-экономические явления и процессы. 2018. № 2 (Т. 13).
3. Барсуков В.Н. Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств // Социальное пространство. 2016. № 5 (7). С. 4.
4. Бегичева О.А., Гришаева С.А., Поляков М.Б., Тимохович А.Н., Чуев С.В. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. Монография / Государственный университет

управления; под общ. ред. С.В. Чуева. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 129.

5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

6. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Жан Бодрийяр; пер. с франц. Е.А. Самарской. Москва: Изд-во АСТ, 2020.

7. Бродовская Е.В., Пырма Р.В., Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(6). С. 39–48.

8. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

9. Габа О.И. Молодежь как субъект протестных настроений / О.И. Габа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1.

10. Гайфуллин А.Ю., Рыбалко Н.В. Социальная активность молодежи: оценка и пути повышения // Вестник Башкирского университета. 2011. № 4.

11. Гигаури Д.И., Гуторов В.А., Шириняга А.А. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве / Д.И. Гигаури // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60).

12. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «Поколение Z»: молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1–2 (130). С. 21–121.

13. Доброхлеб В.Г., Зверева Н.В. Потенциал современных поколений России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 70.

14. Дзялошинский И.М., Мастерова Ю.И. Медиа и социальная активность молодежи // Медиа. Информатика. Коммуникация. М.: МПГУ. № 3, 2012. С. 16–18.

15. Доверие институтам // Левада-Центр, 21 сентября 2020. <https://clck.ru/TPrXS>

16. Догаев П.П. Слактивизм как форма общественно-политического участия

в эпоху пост-правды // Политика и общество. 2017. № 8. С. 1–9.

17. Доклад об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодежи в 2019 году и планах по реализации государственной молодежной политики на 2020 год. <http://www.fadm.gov.ru/>.

18. Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах // Власть. 2020. Том. 28. № 2. С. 51–58.

19. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 2. С. 63–71. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–63–71. Цит — с. 68.

20. Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ РФ в рамках научного проекта № МД-1966.2020.6 «Национальное и гражданское самосознание современной российской молодежи в условиях социокультурных угроз: политико-психологический анализ» (соглашение № 075–15–2020–220).

21. Кино: предпочтения россиян. Что людям нравится и что не нравится в современном российском кино. <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402>; Интернет и онлайн-сервисы. <https://fom.ru/Kultura-idosug/14491>; Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 гг. <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999>.

22. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>.

23. Коростелева Т.В. Личностные ресурсы в управлении качеством жизни молодежи: стратегии, инструменты, измерения: монография. СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. 148 с. <https://publishing.intelgr.com/archive/lichnostnyie-resursyi-vupravlenii-kachestvom-zhizni.pdf>.

24. Коряковцева О.А., Климов О.А. Государственная молодежная политика в современной России: развитие гражданской активности молодежи // Вестник КГУ. 2013. № 2.

25. Легко или трудно живется молодым. Легко или сложно молодежи в нашей

стране добиться успеха? <https://fom.ru/TSennosti/11749;ч12832>; Планы на будущее. Об уверенности в завтрашнем дне и пользе долгосрочных планов. <https://fom.ru/Obrazhzhizni/14483>; Справедливость и несправедливость. <https://fom.ru/TSennosti/14469>.

26. *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна (1979)/ пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

27. *Мареева С.* Справедливое общество в представлениях россиян // Ответственные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26. <https://clck.ru/UcMVp>.

28. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: Гос. Б-ка Украины для юношества, 1995.

29. *Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Козлова Н.В. и др.* Квазиэкспериментальное моделирование когнитивных траекторий и личностных факторов психопрофилактики радикализации и экстремизации молодежи // Сибирский психологический журнал. 2020. № 76. С. 125–138.

30. Минпросвещения России. Национальный проект «Образование». <https://edu.gov.ru/national-project/>.

31. Молодежь и COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психическое благополучие. Глобальный отчет. Международная организация труда // https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang-en/index.htm.

32. *Молокостова А.М., Бенгас Т.В.* Социальные риски в будущей профессиональной деятельности студентов // Организационная психология. 2015. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-riski-v-buduschey-professionalnoy-deyatelnosti-studentov>.

33. *Нервов Е.О.* Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 24.

34. Одобрение институтов власти и доверие политикам // Левада-Центр, 6 мая 2020. <https://clck.ru/UcMcR>.

35. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>.

36. *Перевезенцев С.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М: Издательство ВЕЧЕ, 2019.

37. *Попова О.В.* Политическая идентичность молодежи: к вопросу о формировании заданной модели / О.В. Попова // Этничность, религия и политика: сборник трудов Всероссийской научной конференции «Этничность, религия и политика». Ялта, 2014.

38. *Попова С.Ю., Пронина Е.В.* Экспертиза молодежных проектов в России: постановка проблемы // Мир науки, культуры, образования. № 6(73). 2018. С. 397–400.

39. *Попова С.Ю., Пронина Е.В.* Образовательные форумы как социально-психологическая среда формирования ответственности молодежи в РФ // Образование личности. Научно-методический журнал. М.: АНО «ЦНПРО». 2019. № 3. С. 28–34.

40. *Попова С.Ю., Селезнева А.В.* Социально-политическая и гражданская активность молодежи: между массовизацией и индивидуализацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 1 (37). С. 12–22.

41. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание. Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том. 28. № 2. Портал психологических изданий PsyJournals.ru. https://psyjournals.ru/mpj/2020/n2/Rasskazova_Leontiev_Lebedeva.shtml.

42. Послание Президента Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>.

43. Россияне назвали основные претензии к Путину за время его правления // Левада-Центр, 8 мая 2018. <https://clck.ru/UcMfg>.

44. *Сапронов А.В., Крицкая О.А.* Особенности политической активности российской молодежи // Известия ЮзГУ. № 3. 2014. С. 117–123.

45. *Селезнева А.В., Зиненко В.Е.* Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Вестник МГОУ. 2020. С. 192–207.

46. *Семенова Д.В.* Современные теории мотивации и их значение в практике управления человеческими ресурсами // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 18. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-motivatsii-i-ih-znachenie-v-praktike-upravleniya-chelovecheskimi-resursami>.

47. Суркова И.Ю., Шебланова В.В., Логичнова Л.В. Гражданский активизм молодежи Саратовской области: социально-политическая включенность и потенциал участия // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 95.

48. Теракты во Франции. <https://fom.ru/Mir/14496>; о настоящих мужчинах. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh>; о сексменьшинствах и гей-парадах. <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220>; Молодежь о молодежи. <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>.

49. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения // Левада-центр, 30 июня 2020. <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/>.

50. Чем мы дорожим? // ФОМ, 18 июля 2013. <https://clck.ru/UcMku>.

51. Чуев С.В., Поляков М.Б. Молодежь и выборы: от концепции к программе действий // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4. С. 11–23.

52. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-lichnosti-i-gruppy-opredelenie-struktura-i-mehanizmy>.

53. Шамионов Р.М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 166–188. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8.

54. Югина А.М. Виртуализация информационно-коммуникативной образовательной среды // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 151–152.

55. Югина А.М., Пронина А.А. Психолого-педагогический подход к исследованию социальной активности молодежи // Перспективы науки. 2020. № 4 (127). С. 217–219.

56. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А.Г. Асмолова. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018.

57. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge: Harvard University Press, 1999.

58. Weiten W., Lloyd M.A. Psychology applied to modern life. Wadsworth Cen gage Learning, 2008.

ROUND TABLE **'TRANSFORMATION OF SOCIAL** **AND CIVIC ACTIVITY OF YOUNG** **PEOPLE IN THE PERIOD OF COVID-19'**

S.Yu. Popova

State Academic University of Humanities, Moscow, Director for Science and Research of the Institute of Youth, Moscow, Russian Federation
smolikpopov@list.ru

A.V. Selezneva

Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ntonina@mail.ru

S.I. Belov

Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
belov2006s@yandex.ru

T.N. Grubaya

Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
grubatetyana@gmail.com

A.S. Devochkina

Faculty of Social and Political Sciences, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
a.devochkina00@bk.ru

V.E. Zinenko

Committee for Military-Patriotic and Civil Education of Youth of the International Association of Veterans of the Anti-Terror Unit 'Alpha', Moscow, Russian Federation
vickan@inbox.ru

T.V. Korosteleva

Department of Public Administration and Youth Policy, Russian University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (SCOLIFC), Moscow, Russian Federation
atlastv@mail.ru

N.A. Kurdyukova

Department of Organizational Psychology,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
Moscow, Russian Federation
arkafe@mail.ru

E.V. Morozova

Faculty of Political Science,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
zenicheck@gmail.ru

A.V. Nikulina

Faculty of Political Science,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
nikulinangelina@mail.ru

E.V. Pronina

Department of General and Pedagogical
Psychology, Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletov,
Vladimir, Russian Federation
pronina.ev@gmail.com

M.N. Sannikov

Department of Organization of Work with
Youth, Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation
m.sannikov@molprav66.ru

N.S. Skipin

Secondary School '7 keys'
at the International Institute
of Design and Service,
Chelyabinsk, Russian Federation
phobosophy@gmail.ru

A.V. Sokryukin

Faculty of Political Science, State
Academic University of Humanities,
Moscow, Russian Federation
sokr-alexei@yandex.ru

D.D. Tulegenova

Faculty of History, Omsk State University
named after F.M. Dostoevsky,
Omsk, Russian Federation
pus23489@mail.ru

S.V. Chuev

Department of Political Science,
Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
sv_chuev@mail.ru

**OBRAZOVANIE LICHNOSTI
ROUND TABLE**

'Transformation of social
and civic activity of young people
in the period of COVID-19'

A.M. Yudina

Department of General and Pedagogical
Psychology, Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletovs,
Vladimir, Russian Federation
anna_yudina@mail.ru

Abstract

The article presents the texts of the speeches of the participants of the round table 'Transformation of social and civic activity of young people in the period of COVID-19', held on May 15, 2021 in an on-line format with the support of the Youth Institute (Moscow). The participants of the scientific event were scientists, university teachers and beginning researchers from Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Yaroslavl, Omsk, Vladimir, and Chelyabinsk. The research on the topic 'Social, civil and political activity of young people in the period of COVID-19' was conducted under the leadership of S.Y. Popova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor in the framework of the Laboratory of Youth Interdisciplinary Studies, which was set up at the Forum of Young Political Scientists 'Digoria' in 2020 (head A.V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor).

They discussed the features and reasons for the transformation of social, civic, and political activity of young people during the COVID-19 period, the real and virtual forms of social and civic behavior of the younger generation, and the motivation to participate in socially significant activities in the context of a new historical challenge.

Keywords: youth, state, society, COVID-19, social and civic activity, political activity, motivation for participation, forms of political participation, behavioral practices, social risks, protest potential, transformation.

References

1. The Internet audience in Russia in 2020. <https://mediascope.net/news/1250827/>. (In Russ.).
2. Balbek R.I. Socio-economic and demographic factors of political instability: debatable issues. R.I. Balbek. *Social'no-jekonomich-*

eskie javlenija i processy. 2018. No. 2. Vol. 13. (In Russ.).

3. Barsukov V.N. Reasons and consequences of the conflict of generations as a social problem of 'aging' states. *Social'noe prostranstvo.* 2016. No. 5 (7). P. 4. (In Russ.).

4. Begicheva O.L., Grishaeva S.A., Polyakov M.B., Timokhovich A.N., Chuev S.V. Value orientations of Russian youth and implementation of state youth policy: research results. Monograph. State University of Management; under the general editorship of S.V. Chuev. Moscow: GUU Publishing House. 2017. P. 129. (In Russ.).

5. Bek U. Risk Society. On the way to another modern. Moscow: Progress-Tradition. 2000. (In Russ.).

6. Baudrillard J. Consumer Society. Jean Baudrillard. Transl. from French by E.A. Samarskaya. Moscow: AST Publishing House. 2020. (In Russ.).

7. Brodovskaya E.V., Pyrma R.V., Dombrovskaya A.Yu. Civil activism of the youth of Russia: the structure of roles, factors of formation of attitudes, triggers of growth of protest potential. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta.* 2020. No. 10(6). P. 39–48. (In Russ.).

8. Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny.* 2019. No. 5. P. 3–18. <https://doi.org/10.14515/monitoring>. 2019. 5. 01. (In Russ.).

9. Gaba O.I. Molodezh' as a subject of protest moods. O.I. Gaba. *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 2015. No. 1. (In Russ.).

10. Gaifullin A.Yu., Rybalko N.V. Social activity of youth: assessment and ways to improve. *Vestnik Bashkirskogo universiteta.* 2011. No. 4. (In Russ.).

11. Gigauri D.I., Gutorov V.A., Shirinyants A.A. YouTube-bloggers as leaders of public opinion of youth: new technologies of identity formation in virtual space. D.I. Gigauri. Caspian region: politics, economy, culture. 2019. No. 3 (60). (In Russ.).

12. Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipia K., Ryseva A. 'Generation Z': youth of the time of Putin's Rule. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii.* 2020. No. 1–2 (130). P. 21–121. (In Russ.).

13. Dobrokhleb V.G., Zvereva N.V. The potential of modern generations in Russia. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* 2016. No. 2 (44). P. 70. (In Russ.).

14. Dzyaloshinsky I.M., Masterova Yu.I. Media and social activity of youth. *Media. Informacija. Kommunikacija.* Moscow: MPSU. No 3. 2012. P. 16–18. (In Russ.).

15. Trust in institutions. Levada-Center, September 21, 2020. <https://clck.ru/TPrXS>. (In Russ.).

16. Dogaev P.P. Slaktivism as a form of socio-political participation in the post-truth era. *Politika i obshhestvo.* 2017. No. 8. Pp. 1–9. (In Russ.).

17. Report on the results of the activities of the Federal Agency for Youth Affairs in 2019 and plans for the implementation of the state youth policy for 2020. <http://www.fadm.gov.ru>. (In Russ.).

18. Dombrovskaya A.Yu. Civil activism of youth in modern Russia: features of its manifestation in online and offline environments. *Vlast'.* 2020. Vol. 28. No. 2. P. 51–58. (In Russ.).

19. Evgenieva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E. Political culture of Russian student youth: valuable, figurative-symbolic and behavioral aspects. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta.* 2021. Vol. 11. No. 2. P. 63–71. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–63–71. Cit-p. 68. (In Russ.).

20. The research was carried out with the financial support of the Council for Grants of the President of the Russian Federation for State Support of Young Russian Scientists and for State support of leading scientific schools of the Russian Federation in the framework of the scientific project MD-1966.2020.6 'National and civic consciousness of modern Russian youth in the conditions of socio-cultural threats: a political and psychological analysis' (agreement No. 075–15–2020–220). (In Russ.).

21. Cinema: preferences of Russians. What people like and what they don't like in modern Russian cinema. <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402>; Internet and online services. <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14491>; Internet in Russia: dynamics of penetration. Winter 2017–2018. <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999>. (In Russ.).

22. Kornilova T.V. The uncertainty principle in the psychology of choice and risk. *Psihologicheskie issledovaniya.* 2015. Vol. 8. No. 40. <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>. (In Russ.).

23. Korosteleva T.V. Personal resources in the management of the quality of life of young people: strategies, tools, measurements: mono-

graph. St. Petersburg: Science-intensive technologies. 2020. <https://publishing.intelgr.com/archive/lichnostnyie-resursyi-vupravlennii-kachestvom-zhizni.pdf>. (In Russ.).

24. Koryakovtseva O.A., Klimov O.A. State youth policy in modern Russia: the development of civil activity of youth. *Vestnik KGU*. 2013. No. 2. (In Russ.).

25. It is easy or difficult to live young. Is it easy or difficult for young people in our country to succeed? <https://fom.ru/TSennosti/11749>; Youth about youth. <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>; Future plans. About confidence in the future and the benefits of long-term plans. <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>; Justice and Injustice. <https://fom.ru/TSennosti/14469>. (In Russ.).

26. Liotar Zh.F. The state of postmodernism (1979). Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: In-t eksperim. sociolog. St. Petersburg: Aleteia. 1998. (In Russ.).

27. Mareeva S. Just society in the representations of Russians. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2013. No. 5. P. 16–26. <https://clck.ru/UcMVp>. (In Russ.).

28. Marcuse G. Eros and Civilization. A philosophical study of Freud's teaching. Kiev: State Library of Ukraine for Youth. 1995. (In Russ.).

29. Meshcheryakova E.I., Larionova A.V., Kozlova N.V. and others. Quasi-experimental modeling of cognitive trajectories and personal factors of psychoprophylaxis of radicalization and extremism of youth. *Sibirskij psichologicheskij zhurnal*. 2020. No. 76. P. 125–138. (In Russ.).

30. Ministry of Education of Russia. National project 'Education'. <https://edu.gov.ru/national-project/>. (In Russ.).

31. Youth and COVID-19: impact on jobs, education, rights, and mental well-being. Global report. International Labor Organization. https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang-en/index.htm. (In Russ.).

32. Molokostova A.M., Bendas T.V. Social risks in the future professional activity of students. *Organizacionnaya psichologija*. 2015. No. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-riski-v-budushey-professionalnoy-deyatelnosti-studentov>. (In Russ.).

33. Negrov E.O. The role and features of youth political online activism in modern Russia. *Vestnik RUDN. Serija: Politologija*. 2021. Vol. 23. No. 1. P. 24. (In Russ.).

34. Approval of government institutions and trust in politicians. Levada-Center, May 6, 2020. <https://clck.ru/UcMcR>. (In Russ.).

35. Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 2403-r of November 29, 2014. <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>. (In Russ.).

36. Perevezentsev S. Russian meanings: Spiritual and political teachings of Russia of the X–XVII centuries in their historical development. Moscow: VECHE Publishing House, 2019. (In Russ.).

37. Popova O.V. Political identity of youth: on the question of the formation of a given model. O.V. Popova. Ethnicity, Religion and Politics: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference 'Ethnicity, Religion and Politics'. Yalta. 2014. (In Russ.).

38. Popova S.Yu., Pronina E.V. Expertise of youth projects in Russia: statement of the problem. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. No. 6 (73). 2018. P. 397–400. (In Russ.).

39. Popova S.Yu., Pronina E.V. Educational forums as a socio-psychological environment for the formation of youth responsibility in the Russian Federation. *Obrazovanie lichnosti. Nauchno-metodicheskij zhurnal*. Moscow: ANO 'TSNPRO'. 2019. No. 3. P. 28–34. (In Russ.).

40. Popova S.Yu., Selezneva A.V. Socio-political and civic activity of youth: between massization and individualization. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Akmeologija obrazovaniya. Psichologija razvitija*. 2021. Vol. 10, issue 1 (37). P. 12–22. (In Russ.).

41. Pandemic as a challenge to subjective well-being: Anxiety and Coping. *Konsul'tativnaja psichologija i psihoterapija*. 2020. Vol. 28. No. 2. Portal of psychological publications Psy-Journals.ru. https://psyjournals.ru/mpj/2020/n2/Rasskazova_Leontiev_Lebedeva.shtml. (In Russ.).

42. Presidential Address to the Federal Assembly of January 15, 2020. <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>. (In Russ.).

43. The Russians named the main claims to Putin during his rule. Levada-Center, May 8, 2018. <https://clck.ru/UcMfg>. (In Russ.).

44. Saprionov A.V., Kritskaya O.A. Features of political activity of Russian youth. *Izvestija JuzGU*. No. 3. 2014. P. 117–123. (In Russ.).

45. Selezneva A.V., Zinenko V.E. Political activity of Russian youth: modern develop-

ment trends. *Vestnik MGOU*. 2020. P. 192–207. (In Russ.).

46. Semenova D.V. Modern theories of motivation and their significance in the practice of human resource management. *Psihologija i pedagogika: metodika i problemy praktičeskogo primenenija*. 2011. No. 18. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-motivatsii-i-ih-znachenie-v-praktike-upravleniya-chelovecheskimi-resursami>. (In Russ.).

47. Surkova I.Yu., Shcheblanova V.V., Loginova L.V. Civil activism of young people of the Saratov region: socio-political inclusion and potential for participation. *Sociologičeskie issledovanija*. 2020. No. 8. P. 95. (In Russ.).

48. Terrorist attacks in France. <https://fom.ru/Mir/14496>; about real men. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh; on sex minorities and gay parades. https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220; Youth about youth. https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>. (In Russ.).

49. Values, orientations and participation in the political life of the Russian young generation. Levada Center, June 30, 2020. <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/>. (In Russ.).

50. What do we value? FOM, July 18, 2013. <https://clck.ru/UcMku>. (In Russ.).

51. Chuev S.V., Polyakov M.B. Youth and elections: from the concept to the action program. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2020. No. 4. P. 11–23. (In Russ.). Серия:

52. Shamionov R.M. Social activity of the individual and group: definition, structure and mechanisms. *Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika*. 2018. No. 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-lichnosti-i-gruppy-opredelenie-struktura-i-mehanizmy>. (In Russ.).

53. Shamionov R.M. Social activity of youth: a system-diachronic approach. *Rossijskij psihologičeskij žurnal*. 2019. Vol. 16. No. 1. P. 166–188. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8. (In Russ.).

54. Yudina A.M. Virtualization of information and communication educational environment. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2019. No. 3 (76). P. 151–152. (In Russ.).

55. Yudina A.M., Pronina A.A. Psychological and pedagogical approach to the study of social activity of youth. *Perspektivy nauki*. 2020. No. 4 (127). P. 217–219. (In Russ.).

56. Mobilis in mobili: personality in the era of change. Under the general editorship of A.G. Asmolov. Moscow: YASK Publishing House. 2018. (In Russ.).

57. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge: Harvard University Press. 1999.

58. Weiten W., Lloyd M.A. Psychology applied to modern life. Wadsworth Cen gage Learning. 2008.